

***

Ольге Шенфельд

Беспомощны земного языка
слова. Глядят усопшие поэты
на все потуги жалкие. Река
забвения течет. И вновь воспеты

все прелести иного бытия,
не видно ни луны, ни звёзд, ни солнца,
летает птица, ползает змея
и входит смерть в убогого чухонца.

В приюте, бесконечно одинок,
рыдая от отчаянья и злобы,
страдает мастер. Барщину оброк
не заменяет. Рвется из утробы

земли на волю рыцарь. Не сражён-
ный в ратном поле – дланью командора
повергнутый за всех неверных жён –
дурная жертва каменного вздора.

А в призрачной, заплаканной дали,
в стране туманов, за краюху хлеба,
слепой старик считает корабли,
стекающие с выцветшего неба...

***

Борису Молóдому

Мне еженощно эта сцена снится:
пророк упрям, рассудку вопреки.
Устало бессловесная ослица
ему речёт. Течение реки

уносит чёлн. Команда сушит весла.
В китовом чреве жарко и темно.
Веселый царь, прославивший ремесла,
в Европу рубит тусклое окно,

Любая власть, как руки брадобрея,
противна нам. Верней, тебе и мне.
Девичий стан, в исподнем потном прея,
опять в туманном движется окне.

Слезятся пьяниц крохотные глазки,
растоптан венчик из белесых роз.

Толпа чудовищ, вырвавшись из сказки,
исходит гноем злобы и угроз

***

Лэди Виктории Джейн

Из зеркала смотрит изысканный труп,
кидается век-волкодав,
безумный поэт, непорочен и глуп,
пихает как шапку в рукав

бесплодную шубу сибирских степей,
давно обмелевший Байкал.
Свисают тела с оголенных ветвей,
рыдает гармошка и кал

налип на сапог. Или это сапог
в него, не подумав, вступил.
Хрипит трубадур. Задыхается рог
и черви ползут из могил.

А мы не способны ни петь, ни терпеть,
ни думать, ни плакать, ни жить.
Хохочет палач. Развевается плеть.
Судьбы обрывается нить...

***

Борису Кокотову

Когда, ожив, тревожится строка,
последнее подыскивая слово,
и женщина за гранью сорока,
смеясь, пуститься в тяжкие готова,

когда и погубить, и позабыть,
принять и отказаться несподручно,
и тошно быть, и боязно не быть,
и скучно с жизнью, и со смертью скучно,

когда наедине с самим собой
не хочется. Точнее – невозможно.
Когда проигран выигранный бой,
и память озирается тревожно,

тогда, духовной жаждою томим,
я пару строчек вписываю в мим...

***

Сергею Александровскому

Давайте так: пусть слово дико,
но мне ласкает слух оно.

Девичий стан бредет безлико
и лезет в мутное окно.

Но мы предтеч не забываем,
иль это только снится мне:
лицо, как вымя под трамваем,
в туманном движется окне.

Придумать новое не в силах,
не в силах старое забыть,
мы ковыряемся в могилах,
а в чистом поле волчья сыть

пойдет направо – песнь заводит,
налево – сказку говорит,
и кот ученый рядом бродит,
и что-то странное твердит.

В бараний рог судьбою скручен,
он рвёт когтями тишину,
а волк, похмелием измучен,
тоскливо воет на луну...

***

*Александру Сергеевичу, Фёдору Кузьмичу
Арсению Ивановичу, Шарлю Пьеру и сэру
Артуру с земным поклоном.*

...поэт закрывает вежды,
и все же, ему близка
бессмысленная надежда,
безропотная тоска.

В печальной стране туманов
суметь ли найти уют?
Под бубны слепых шаманов
мне дело зачем-то шьют.

Игрой наважденья злого,
под тяжестью навьих чар,
нас тихие дети снова
пошлют добывать анчар.

Безрадостно и устало,
пронзённый стрелою дня,
пойду, где стаи шакалов
поют строку из меня,

пойду, (не грезит ли ухо,
стрелой отравлено дня?)
туда, где с косою старуха
ворчит строку из меня...

***

Александру Кузьменкову

Возможно, я не прав. Судьба моя
подсказывает: бунт всегда без толку,

и медсестра, ухмылки не тая,
воткнёт мне в вену ржавую иголку,

а санитары, дружно гогоча,
внесут в палату пьяного врача.

Врач на меня угрюмый бросит взгляд
и рявкнет: «Всё права качаешь, гад?»

И харкнет мне в лицо благою весть:
«Отвести его в палату номер шесть!»

***

Виталию Кравченко

Ах, знакомый до слез Ленинград-Петербург,
до прожилок знакомый веселый хирург.

Он на лестнице черной мне вскроет живот
и швырнет потроха на гнилой эшафот.

А потом, развернувшись, мне всадит в висок
кем-то вырванный с мясом беззвучный звонок.
Чтобы я возвращаться сюда не хотел
и спокойно лежал в окружении тел.

И зловещему дегтю был искренне рад.

Ах, знакомый до слез Петербург-Ленинград...

***

Владиславу Пенькову

Всё чаще мне является во сне
мой кредитор, который должен мне.

И вижу я во сне и наяву,
что я не жив, хотя еще живу.

Что груз долгов моих мне не поднять,
что на меня наложена печать.

Меня зовут. Мне говорят – пора.
Неотличимо завтра от вчера.

Вокруг меня кольцо бесплотных рук,
но светел мрак, струящийся вокруг.

Мерещится в конце туннеля свет,
но нет туннеля. Света тоже нет.

И все равно, я знаю, это – так:
пусть мрак вокруг, но светел этот мрак.

***

Сергею Слепухину

Мне снова приходит пора умирать
и я выхожу на мороз,
и пьяный прохожий, еби его мать,
подносит мне венчик из роз.

Стуча каблучками, проносятся по
затопанной мной мостовой,
шалавы, укравшие пудру в сельпо,
и волчий разносится вой.

А в небе плывет невидимка-луна
и конь одичалый хрипит,
а по морю бродит седая волна,
и легкие душит плеврит.

Купец краснорожий, не весел, но пьян,
на тройке влетает в овраг.

Он в каждой девице находит изъян,
себе, одинокому, враг.

Угрюмый могильщик, забыв инструмент,
зубами корежит гранит,
и ловко поймав подходящий момент,
мгновенье под спудом хранит.

И вновь педераст за туманным окном,
под детские вопли и плач,
бежит, озираясь, при этом тайком
сухой пожирая калач.

А я на слепом выезжаю коне
к распутию неясных дорог
и вдруг открывается истина мне,
и я выхожу на порог,

и я без пальто выхожу на мороз,
и снова пора умирать,
и снова подносит мне венчик из роз
прохожий, еби его мать...

***

Елене Галат

Я снова стремлюсь в никуда ниоткуда,
не ведая жалости, боли и слез,
хрипит, задыхаясь, распятый Иуда
и прячет улыбку спасенный Христос.

И демонов грустных печальные лики,
и ангельских полчищ ликующий вой,
проклятья, мольбы и беззвучные крики
остались давно у меня за спиной.

Вот так и иду в никуда ниоткуда,
к своей равнодушен беде и судьбе,
готовый повиснуть в петле как Иуда,
не нужный давно ни тебе, ни себе.....

ЗАРИСОВКА

Н.А.З.

Младой пастух, забыв про свой рожок,
кусает ассирийский пирожок.

Лежат на полке бабкины клыки,
русалка выползает из реки,
в кустах овцу насилует овчар,
и пышет ядом дерево анчар...

Порхает в небе птица воробей,
в полете избавляясь от скорбей,
бегут цыгане шумною толпой,
чугунный хлеб повис над головой,

везет чуму корабль из дальних стран,
на землю опускается туман
и доктор, с выражением лица,
втыкает скальпель в ухаля-купца...

***

Вере Хорват

Бурлюк один не вытянет баржу.
Костер, туман, гадалки злые речи.

Я вдовьей кармы груз переложу
на голубями засранные плечи.

А небесам на каменной руке
Приапа, скажем прямо, неприлично.

На сцене шут в павлиньем пиджаке
ревет и стонет, и хрипит привычно

под три аккорда томный старичок,
держат махину – тяжкая работа,

уходит в даль последний морячок
и узок брег. Два старых идиота,

сведя колени, лезут на Парнас,
толпа кухарок им с восторгом внемлет,

на трон садится пьяный Фортинбрас
и дивный гений в подворотне дремлет...

Поэт в России – больше, чем поэт.
Особенно, когда шутлом одет.